

ФИЛОСОФИЯ И ЛИТЕРАТУРА

PHILOSOPHY AND LITERATURE

УДК 82:1:008
ББК 83.3(2):87.3(4Гем)5

Владимир Николаевич Смирнов

Санкт-Петербургский государственный университет, Институт философии, младший научный сотрудник, кандидат философских наук, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: pustota94@yandex.ru

Влияние эстетических идей Ф. Шиллера во взаимодействии с исторической концепцией И.Г. Фихте на концепцию высших личностей в романе Ф.М. Достоевского «Подросток»¹

Аннотация. Анализируется идейное содержание романа Ф.М. Достоевского «Подросток» в связи с эстетическими и историософскими концепциями Ф. Шиллера. Отмечается глубокая интеллектуальная взаимосвязь Ф. Шиллера и И.Г. Фихте во взглядах на государственность и культуру как формы высшего единства человечества, а также совокупное влияние их идей на философское мировоззрение Ф.М. Достоевского. Доказывается, что идеи героя романа «Подросток» Версилова восходят к историческим и эстетическим концепциям Шиллера и Фихте, в соответствии с которыми культура и искусство служат внутреннему совершенствованию человека и грядущему объединению человечества. Обосновывается гипотеза о том, что культура в мировоззрении Версилова становится формой религиозной жизни, поскольку именно культура является выражением свободы человека, единства человечества и смыслом исторического развития. Показано значение образа «Золотого века» в мировоззрении Версилова в связи с историософскими концепциями Шиллера и Фихте. Продемонстрирована взаимосвязь «русской идеи» Достоевского и дворянской идеи «высшего культурного типа», высказанной Версиловым, с концепцией Фихте, согласно которой историческое движение состоит в распространении культуры выдающимися людьми, культура передается от народа к народу, а культурнейшее государство своей эпохи становится общим Отечеством каждого просвещенного христианина. Делается вывод о том, что «фантазии» Версилова и «мечты» Достоевского, подвергшиеся критике со стороны многих представителей русской общественной мысли, в действительности являются продолжением и развитием глубокой интеллектуальной традиции европейской философии.

Ключевые слова: концепция эстетического воспитания Ф. Шиллера, «царство культуры» И.Г. Фихте, «русская идея» Ф.М. Достоевского, религия культуры, концепция высших личностей, высокое искусство

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00696 (Санкт-Петербургский государственный университет), <https://rscf.ru/project/25-28-00696>. The study was implemented by the Russian Science Foundation grant No. 25-28-00696 (Saint Petersburg State University), <https://rscf.ru/project/25-28-00696/>

Vladimir Nikolaevich Smirnov

Saint Petersburg State University, Institute of Philosophy, candidate of philosophy, scientific employee, Russia, Saint Petersburg, e-mail: pustota94@yandex.ru

The influence of F. Schiller's aesthetic ideas in interaction with the historical concept of I.G. Fichte on the concept of higher personalities in F.M. Dostoevsky's novel "The Adolescent"

Abstract. This article analyzes the ideological content of F.M. Dostoevsky's novel *The Adolescent* in connection with the aesthetic and historiosophical concepts of F. Schiller. It notes the deep intellectual interconnection between F. Schiller and J.G. Fichte in their views on statehood and culture as forms of the highest unity of mankind, as well as the combined influence of their ideas on the philosophical worldview of F.M. Dostoevsky and the novel's hero, Versilov. It is argued that Versilov's ideas are rooted in the historical and aesthetic concepts of Schiller and Fichte, according to which culture and art serve the internal improvement of man and the future unification of mankind. The article substantiates the hypothesis that culture in Versilov's worldview becomes a form of religious life, as it is culture that serves as the expression of human freedom, the unity of mankind, and the meaning of historical development. The significance of the image of the "Golden Age" in Versilov's worldview is shown in connection with the historiosophical concepts of Schiller and Fichte. The relationship between Dostoevsky's "Russian idea" and the noble idea of the "highest cultural type" expressed by Versilov is demonstrated through Fichte's concept, according to which historical movement consists in the dissemination of culture by outstanding individuals; culture is passed on from people to people, and the most cultured state of its era becomes the common Fatherland of every enlightened Christian. It is concluded that Versilov's "fantasies" and Dostoevsky's "dreams", criticized by many representatives of Russian social thought, are in fact a continuation and development of a profound intellectual tradition within European philosophy.

Key words: F. Schiller's concept of aesthetic education, J.G. Fichte's "realm of culture", F.M. Dostoevsky's "Russian idea", religion of culture, concept of higher personalities, high art

DOI: 10.17588/2076-9210.2026.1.101-116

Влияние Фридриха Шиллера на творчество и философское мировоззрение Ф.М. Достоевского установлено весьма отчетливо и не вызывает сомнений у исследователей². Увлечение Шиллером Достоевский пронес через всю свою жизнь, от юношеского вдохновения до зрелых реминисценций и переосмысления в позднем периоде творчества³. Идеи, о которых пойдет речь (внутреннее освобождение человека и движение к объединению человечества), были восприняты Достоевским из многих источников европейской, прежде всего немецкой, мысли. Однако в романе «Подросток» (1875 г.) особый акцент сделан на идеях

² См. подробно: Вильмонт Н.Н. Достоевский и Шиллер. М.: Сов. писатель, 1984. 280 с. [1]; Lyngstad A. Dostoevskij and Schiller. Hague: Mouton, 1975. 126 p. [2].

³ См. также: Лысенкова Е.И. Аспекты проблемы Шиллера в творчестве Ф.М. Достоевского («Бедные люди», «Униженные и оскорбленные») // *Studia Culturae*. 2014. № 21. С. 147–154 [3].

красоты и высокой культуры, решающим образом сопряженных с идеей единства человечества, понятой как историческое предназначение России. Это дает основания полагать, что именно идеи Шиллера наиболее представлены в романе Ф.М. Достоевского.

В цикле «Ряд статей о русской литературе» 1861 года Достоевский пишет о том, что «русская идея» станет синтезом всех национальных идей Европы именно в силу всечеловечности русского народа. Россия отличается от Европы, по мысли Достоевского, тем, что в России нет сословий в общеевропейском смысле этого слова, а есть, прежде всего, образованный слой, задача которого состоит в воспитании народа. Идея дворянства как «высшего культурного слоя», не имеющего сословной природы, найдет отражение и в романе «Подросток». Уже в своих эстетических размышлениях Ф.М. Достоевский следует за Шиллером, по-своему решая длившийся на тот момент спор между сторонниками «чистого искусства» и «утилитаристами». Достоевский отстаивает мысль о том, что настоящее, высокое искусство не должно изначально определяться практическими задачами, но при этом оно никогда не бывает бесполезно. Подлинное искусство абсолютно свободно и не предполагает пользу, но в действительности польза его безмерна именно в силу того, что оно воздействует на человеческие души, то есть подспудно всегда имеет воспитательное значение. Размышления о Пушкине как воплощении национального и всечеловеческого гения были связующим звеном «русской идеи» и эстетической концепции Достоевского в «Ряде статей о русской литературе»⁴. Эта линия была продолжена в романе «Подросток» и Пушкинской речи, где в отличие от статей 1861 года, исчезает резкое противопоставление России и Европы, что наиболее ярко выразилось в концепции «русского европейца», в романе «Подросток».

Можно предположить, что уже по своей связи с историческим контекстом роман «Подросток» имеет много общего с главным теоретическим произведением Шиллера «Письма об эстетическом воспитании человека» (1795 г.). Оба текста были рождены в кризисные для европейского человечества времена, и оба автора, что важно, осознавали свою ответственность за судьбы Родины, Европы и человечества. «Письма» Шиллера – это переживание эпохи Французской революции, когда все европейское общество оказалось расколото, когда прежние идеалы свободы явили свою мрачную сторону, а многих якобинский террор и революционные войны могли в принципе отвратить от всякого просвещения. Роман «Подросток» связан со временем Франко-Прусской войны и Парижской коммуны. Первое событие демонстрирует распад и разлад европейского человечества, второе – гибель европейской культуры, наиболее ярко выразившуюся в разрушении Тюильри. Таким образом, идеал единства европейского человечества был подорван войной между национальными государствами, а прежние

⁴ См.: Достоевский Ф.М. Ряд статей о русской литературе // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 18. Ленинград: Наука, 1978. С. 41–103 [4].

идеалы свободы не нашли иного выражения как в разрушении высокой культуры. Парижская коммуна мыслилась современниками как идейное и деятельное продолжение Французской революции, таким образом тексты предшествующей эпохи вновь актуализировались последующей и мыслители конца XVIII и второй половины XIX веков становились участниками одной исторической драмы.

Помимо собственно исторического контекста, роман Достоевского «Подросток» и «Письма» Шиллера роднит то обстоятельство, что они являются некоторым итогом рассуждений о мировой истории. «Письма» Шиллера хронологически стоят в центре его исторических штудий, им предшествовали сочинения «История отпадения Соединенных Нидерландов от испанского владычества» (1788 г.) и «История Тридцатилетней войны» (1790 г.). После «Писем» выйдут главные исторические драмы Шиллера: трилогия «Валленштейн» (1799 г.), «Орлеанская дева» (1801 г.), «Вильгельм Телль» (1803 г.). Историю у Шиллера творят выдающиеся трагические личности. В своих художественных произведениях он наделяет центральных исторических персонажей отчетливыми христологическими чертами. Они встают на историческое поприще и идут к своей гибели, меняя мир и людей. В этом отношении показательно, что в первой части трилогии о Валленштейне – «Лагерь Валленштейна» (1798 г.) – сам легендарный полководец еще не появляется как персонаж, но неизменно присутствует в разговорах своих солдат. Валленштейн здесь – личность-идея, личность-субстанция, скрепляющая и направляющая огромную массу людей, пришедших к нему со всех концов Европы. Такая оптика, несомненно, была близка Ф.М. Достоевскому, разделявшему идею особых личностей, «вошедших» в человечество и влияющих на ход истории даже после своей смерти, как сказано в известном рукописном наброске «Маша лежит на столе. Увижусь ли с Машей...» от 16 апреля 1864 года, написанном после смерти жены писателя. Для правильного понимания романа «Подросток» также нужно иметь в виду, что он возник в контексте спора Ф.М. Достоевского с исторической концепцией Л.Н. Толстого, представленной в романе «Война и мир» (1865–1869 гг.). Главным пунктом спора писателей стала оценка значения отдельных личностей и народной массы в историческом процессе⁵. Если у Толстого правильное отношение к творящейся истории выражается в отказе от индивидуального усилия и слиянии с иррациональной жизненной силой, то Достоевский настаивает на решающем влиянии высших личностей на неоформленную людскую массу и на движение народов в истории. Выразителем идеи высших личностей в романе «Подросток» является Андрей Петрович Версильов, обозначавшийся в подготовительных материалах к роману местоимением «ОН», подчеркивающим его особое значение среди прочих персонажей.

⁵ См. об этом подробнее: Евлампиев И.И. Спор о роли личности в истории: роман Ф.М. Достоевского «Подросток» против романа Л.Н. Толстого «Война и мир» // Парадигма. Философско-культурологический альманах. 2019. Вып. 30. С. 48–76 [5].

Версиров – главный идеолог романа и самый таинственный и противоречивый персонаж. Примечательно, что в исследовательской литературе существует множество точек зрения относительно его прототипов. Наиболее конвенциональной считается версия, согласно которой образ Версирова был сформирован под решающим влиянием А.И. Герцена. Впрочем, есть точка зрения, предполагающая, что Версиров в большей степени соответствует фигуре Ф.И. Тютчева⁶. Нам представляется, что, несмотря на сходство личностных особенностей и во многих отношениях идейную близость с Тютчевым, точка зрения, согласно которой именно Герцен предстает в качестве главного прототипа Версирова, выглядит убедительнее. Дело в том, что по возрасту Версиров ровесник Б.Н. Чичерина и, подобно ему, при соответствующем таланте мог бы быть учеником Т.Н. Грановского и младшим современником, собеседником Герцена, то есть застать эпоху кружков 40-х годов. Шиллер был для того поколения абсолютным нравственным идеалом: «Что нам дал идеальный Шиллер? Благородство стремлений», – пишет Н.П. Огарев [8, с. 23]. «Шиллер! Благословляю тебя, тебе обязан я святыми минутами начальной юности! Сколько слез лилось из глаз моих на твои поэмы! Какой алтарь я воздвигнул тебе в душе моей!» – восклицает Герцен [9, с. 278]. Версиров – «высший культурный тип» и «русский европеец», созданный Достоевским, конечно же, шире, чем просто типаж человека 40-х годов, хотя это измерение и эта проблематика в романе тоже есть⁷. Так или иначе, какой бы источник возникновения образа Версирова мы ни считали главным (Тютчев, Герцен или собственное мировоззрение Достоевского), Шиллер не мог не повлиять на него самым решающим образом.

Итак, Версиров являет собой образ русского дворянина-интеллектуала – «высший, культурный тип». В чем же состоит смысл и предназначение этого явления? Значение дворянства для судеб России заключается в двух основных миссиях: создание высокой культуры и проповедь свободы. Дворянская идея – это идея личности, личной чести и свободы. Личностное начало в России получило мощнейший импульс к развитию в государстве Петра Великого через дворянскую службу и через творческое самовыражение. Возникновение секулярной культуры послужило к раскрытию внутреннего духовного мира человеческой личности, то есть, по сути, к утверждению одной из главных христианских ценностей. Можно сказать, что *художественная культура в Российской империи становится новой формой религиозной жизни*. Русский дворянин становится носителем высших идеалов европейской культуры – внутреннего освобождения

⁶ См.: Гачева А. «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется...» Достоевский и Тютчев. М.: ИМЛИ РАН, 2004. 637 с. [6]. См. также критику этой точки зрения: Саканива А., Евлампиев И.И. Возвращение к России: Тютчев и Достоевский // Соловьёвские исследования. 2015. Вып. 2(46). С. 35–50 [7].

⁷ См.: Кантор В.К. Две родины Достоевского: Попытка осмысления. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2021. 608 с. [10].

человека и духовного единства человечества. Эти идеалы имеют для него религиозное значение.

Осуществление этих идеалов возможно несколькими путями: через революционный социализм (Герцен); в виде универсальной христианской империи (Тютчев); в рамках единства Европы как царства высокой культуры. Последний путь примиряет все направления русской мысли, выделяя главное – культуру и свободу. Эти воззрения разделяет Версиров и говорящий через него Достоевский, выстраивая тонкую диалектику всемирного и национального. Миссия России – это высший культурный синтез; миссия лучших представителей русского дворянства как «высшего, культурного типа», по сути, состоит в эстетическом воспитании человечества. Русский дворянин становится не только носителем шиллеровских идеалов, но и проводником и провозвестником его идей, двигая историю по пути свободы и единства человечества.

Если с исторической точки зрения влияние Шиллера на русскую мысль и на идейные воззрения, которые воплощает Версиров, вполне установлено, то имеет смысл сказать о них более содержательно. «Письма» Шиллера вышли в 1795 году в издававшемся им журнале *Die Horen*, задачей которого было преодоление противоречий, которые раскололи германскую и в целом европейскую интеллектуальную среду. Согласно Шиллеру, это возможно только с опорой на то, что выше политических симпатий к революции или реакции. «Всесоединение идей», о котором мечтает Версиров, отчасти пытался воплотить в свое время Шиллер, объединив в своем журнале выдающихся интеллектуалов своего времени. Он берется за размышления об искусстве применительно к актуальным политическим проблемам и в результате формулирует главный вопрос: какую роль может сыграть искусство в подготовке общества к созданию такого политического устройства, которое обеспечит возможность осуществления индивидуальной свободы в рамках единого человеческого сообщества. Иными словами, сможет ли красота привести человечество к единству и свободе? В «Письмах» Шиллер пишет: «Природа поступает с человеком не лучше, чем с остальными своими созданиями; она действует за него там, где он еще не в состоянии действовать как свободный интеллект. Но делает его человеком как раз то, что он не остается человеком, сделанным природой, а способен разумно проделать в обратном порядке те шаги, которые предвосхитила, ведя его, природа; он может пересоздать дело необходимости в дело свободного выбора и возвысить физическую необходимость в моральную» [11, с. 255]. То есть человек, конечно, обусловлен природной необходимостью, но задача пробужденного к разуму человека заключается в том, чтобы приложить усилия и осуществить прорыв к свободе, по сути, пересоздать себя на новых, свободных основаниях. Аналогичным образом должно быть пересоздано и человеческое сообщество. При этом по-настоящему свободен человек только в человеческом роде, поэтому указанный

процесс «возвышения» человека до подлинной разумности в значительной степени определяется способностью человека осознать свое единство с родом и желанием служить его высшим целям.

Для всех немецких мыслителей сопряжение личности и человечества, а также личности и общества реализуется через государство, поскольку именно государство является наличным, зримым воплощением фундаментального единства человеческого рода. Шиллер пишет: «Можно сказать, что во всякой человеческой личности, по предрасположению и назначению, живет чистый идеальный человек, и великая задача бытия человека в том, чтобы при всех переменах согласоваться с его неизменным единством. Этот чистый человек, более или менее ясно проявляющийся в каждом субъекте, представлен в государстве – в этой объективной и как бы каноничной форме, чье разнообразие субъектов стремится к единению» [11, с. 258]. В работах Шиллера эта тема только намечена, однако она получила капитальную разработку, причем под его непосредственным влиянием, в философском учении И.Г. Фихте. Если ранний революционный Фихте еще пишет о государстве как об инструменте, в котором с течением времени отпадет надобность⁸, то позднее концепция государства у Фихте резко меняется – вероятно, под влиянием идей Шиллера. Последний пишет о *государстве как о высшем единстве*, причем отношение его к своим гражданам он понимает в соответствии с парадоксальным принципом тождества целого и части: государство включает личность как свой элемент, но и личность, достигшая духовного совершенства, преодолевшая свои низшие эгоистические цели, как бы *вбирает в себя государство и оказывается способной вместить в себя идею человечества*. Здесь принципиально важно, что речь идет не про пассивное растворение в высшем единстве, а про то, что человек может в самого себя вместить это высшее единство. Именно эту мысль выражают немного загадочные слова Версилова: «“Любовь к человечеству” надо понимать лишь к тому человечеству, которое ты же сам и создал в душе своей (другими словами, себя самого создал и к себе самому любовь) и которого поэтому никогда и не будет на самом деле» [13, с. 174–175]. В результате в рассуждениях Шиллера и Фихте, кратко и афористично выраженных Версильевым, прослеживается особая диалектика анархизма и этатизма, где абсолютная личность и абсолютное государство не противостоят и не поглощают друг друга иерархически, но образуют *фундаментальное тождество*. Совершенные личности, вместившие в себя идею целого, взаимно признавая друг друга, образуют идеальное государство свободы.

Однако реализация свободы в идеальном государстве не может быть самоцелью, свобода является только средством для реализации высших ценностей жизни. В этом аспекте Фихте также более ясно выражает ту мысль, которая очень

⁸ См.: Фихте И.Г. Несколько лекций о назначении ученого // Фихте И.Г. Собр. соч.: в 2 т. Т. 2. СПб.: Мифрил, 1993. С. 24 [12].

кратко и схематично выражена у Шиллера. Если эстетическое воспитание у Шиллера ведет к совершенствованию личностей и разумной жизни человеческого рода в государстве свободы, то абсолютное государство Фихте уже само отождествляется с «царством культуры»⁹. Более того, распространение культуры становится главной общечеловеческой задачей абсолютного государства¹⁰. В определенном смысле мировоззрение Шиллера и следующего за ним Фихте можно назвать *религией культуры*. В концепции Фихте религия в строгом смысле занимает отдельное место, но культура, в сущности, играет там едва ли не большую роль, занимая место религии. Культура у Фихте служит причиной и целью государства, также является формой и выражением как индивидуального человеческого духа, так и высшего человеческого единства. Культура объединяет народы в одну единую «великую семью», пишет Фихте и продолжает: «Царство культуры и свободы постепенно и неизбежно охватит весь земной шар» [14, с. 179]. В некотором отношении «царство культуры» Фихте можно метафорически сравнить с идеей Августина о Граде Божьем, который также существует поверх всех политических образований, и лишь некоторые избранные являются его духовными гражданами. Впрочем, Град Августина призван наполнить мир только в конце времен. В противоположность этому, царство культуры имманентно, оно уже существует и разливается по земле. В то же время «культура странствует от народа к народу»¹¹, и здесь «царство культуры» сравнимо с эсхатологическими представлениями о Римской империи и концепцией *translatio imperii*, сопряженной всегда с концепцией *translatio studii*, где вечная идея империи и идея культуры передаются от народа к народу и принимают конкретно-исторические формы.

Возвращаясь к идеям Версилова, развернутым Достоевским позднее в Пушкинской речи, можно сказать, что Версильов – это последователь религии культуры Шиллера и Фихте. Идеалы этих немецких мыслителей на свой лад пытались воплотить и прототипы Версилова: Герцен стремился к освобождению творческого начала человечества через революцию; Тютчев видел Российскую империю как провозвестницу вселенской империи, где восторжествует дух и культура. Герцен в этом отношении подобен раннему, революционному Фихте, а Тютчев – позднему, который в Прусской государственности увидел всемирно-историческое значение. Разница взглядов Тютчева и Герцена состоит соответственно церковно-этангистском и революционном уклонении от того идеала, который дали миру Шиллер и Фихте, в то время как этот идеал составлял более глубокое единство их взглядов. Религия культуры проясняет парадоксальное

⁹ См.: Фихте И.Г. Назначение человека // Фихте И.Г. Собр. соч.: в 2 т. Т. 2. СПб.: Мифрил, 1993. С. 178 [14].

¹⁰ См.: Евлампиев И.И. Идея всемирной империи культуры в воззрениях В.С. Соловьёва и в русском общественно-политическом сознании XIX века // Соловьёвские исследования. 2023. Вып. 1(77). С. 80–96 [15].

¹¹ См.: Фихте И.Г. Основные черты современной эпохи // Фихте И.Г. Собр. соч.: в 2 т. Т. 2. СПб.: Мифрил, 1993. С. 378 [16].

идейное единство двух известных русских мыслителей, выраженное во взглядах Версилова как синтетического персонажа. Таким образом, высший культурный тип Достоевского, по сути, является *высшим религиозным типом*.

Европа как «страна святых чудес» (выражение из стихотворения А.С. Хомякова, которое часто использует Достоевский) перестает быть просто поэтической фигурой речи, если иметь в виду упомянутую религию культуры. Европа для Достоевского – это действительно «страна святых чудес» и воплощение царства культуры, где жили дорогие сердцу каждого образованного русского человека гении: Шекспир, Сервантес, Шиллер. Хотя реальное состояние Запада Достоевский считает упадочным, его едкие замечания о европейском быте в «Зимних заметках о летних впечатлениях» (1863 г.) и резкое противопоставление России и Европы в «Статьях» 1861 года, в романе «Подросток» трансформируются в представление о Европе как об идеальном царстве культуры, пусть уже не существующем в настоящей действительности. Критичное отношение к современному Западу во взглядах Достоевского сохраняется и, безусловно, имеет русские основания (в известной идее В.Ф. Одоевского «Запад гибнет»¹²), однако теперь это становится вторичным в отношении к Европе, да и само это отношение парадоксальным образом также оказывается зависимым от взглядов Шиллера и Фихте.

Мысль о гибели культурной Европы рождается в контексте размышлений Версилова о «золотом веке» – так он назвал про себя картину «Асис и Галатей» Клода Лоррена, которую увидел во время путешествия по Германии и которая приснилась ему как быль. Греческий пейзаж с мифологическим сюжетом явился Версилову в качестве земного рая и утраченной колыбели европейского человечества: «...боги сходили с небес и роднились с людьми... О, тут жили прекрасные люди! Они вставали и засыпали счастливые и невинные; луга и рощи наполнялись их песнями и веселыми криками; великий избыток непочатых сил уходил в любовь и в простодушную радость» [13, с. 375]. Этот сон наполнил его не только счастьем и всечеловеческой любовью, но и горьким чувством от понимания краха европейской цивилизации, изменившей своим основаниям.

Миф о «золотом веке» служит отправной точкой в исторических взглядах Шиллера. Шиллер в «Письмах» подробно описывает свой идеал Древней Греции, ведь только там люди были цельны, только там человеческая личность была сопричастна богам и всему человеческому роду: «Как высоко ни подымался разум, он любовно возвышал до себя материю, и как тонко и остро он ни разделял, он никогда не калечил. Он расчленил человеческую природу и, возвеличив, распределял по сонму прекрасных богов, но разум не разрывал человеческой природы на части, а лишь только различным образом перемешивал их, так что в каждом боге присутствовало все человечество» [11, с. 264]. Человек полноценен только в человеческом роде, и в этом он уподобляется античным богам. Одно-

¹² См.: Одоевский В.Ф. Русские ночи. М.: Наука, 1975. С. 147 [17].

временно тотальности греческого полиса противопоставляется современное общество. По мысли Шиллера, в Древней Греции каждый человек был полноценно развитой личностью именно в силу того, что он не замыкался в рамках своей узкой специализации занятий, в отличие от современной ему эпохи: «Теперь оказались разобщенными государство и церковь, законы и нравы; наслаждение отделилось от работы, средство от цели, усилие от награды. Вечно прикованный к отдельному малому обломку целого, человек сам становится обломком; слыша вечно однообразный шум колеса, которое он приводит в движение, человек не способен развить гармонию своего существа, и, вместо того чтобы выразить человечность своей природы, он становится лишь отпечатком своего занятия, своей науки» [11, с. 265–266]. В греческом же полисе каждый человек, по словам Шиллера, существует подобно полипу, сохраняя свою индивидуальность, но при необходимости сливается с целым. Идеал Древней Греции, где личная внутренняя гармония распространялась на все общество как единый духовный организм, – это тот идеал, который человечество утратило, но к которому оно должно в итоге вернуться на *новом уровне*. Если естественный человек, существовавший в Древней Греции, стремится к завершенности и достижению некой *конечной* величины, то новоевропейский культурный человек непрерывно совершенствуется в постоянном приближении к *бесконечности*¹³.

Как мы видим, вся та критика западной цивилизации, которую формулировали в своих сочинениях В.Ф. Одоевский, А.С. Хомяков и И.В. Киреевский, точно так же как и описание достоинств русской цивилизации (прежде всего, противопоставление целостности человека у нас и «разобщенности» форм жизни на Западе), имеет исток в учениях Шиллера и Фихте.

Впрочем, представление о начале истории во взглядах Фихте существенно отличается от идеала «золотого века», при этом нужно говорить о радикальном дуализме абсолютного совершенства и абсолютного несовершенства, присущих разным частям человечества. Разум, а значит, и мораль изначально заложены в человеке, но речь у Фихте идет о небольшой группе людей, называемой «нормальным народом». Этот народ обладает разумной культурой, не нуждаясь в науках и искусстве, но он не знает и свободы, хотя цель человечества – не разумное бытие, а разумное становление через свободу. Кроме того, этот народ окружен дикарями, несовершенным человечеством, и, будучи изгнан ими из родных мест, оказался рассеян по местам, лишенным культуры. Именно как результат этого процесса Фихте видит начало истории, начало пути свободного развития человеческого рода, состоящего в распространении культуры среди ди-

¹³ См.: Daubitz U. Anthropologie und Geschichtsphilosophie beim jungen Friedrich Schiller / Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades Doctor philosophiae (Dr. phil.) eingereicht an der Philosophischen Fakultät I der Humboldt-Universität zu Berlin [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://edoc.hu-berlin.de/server/api/core/bitstreams/58b8ed96-6fde-4b60-8577-083a950fc561/content> (дата обращения: 11.05.25). S. 186 [18].

кости. Фихте прямо пишет о фундаментальном неравенстве между людьми: «Неравенство нормального народа, который существовал через себя самого как чистое отражение разума, и диких и грубых племен» [16, с. 532]. Смешение «нормального народа» с дикими племенами произошло до начала зафиксированной истории. «В состоянии этого смешения даже причастные к первоначальной культуре потомки нормального народа проникаются совершенно новой и не содержащейся в первоначальной культуре задачей, именно – выработкой в себе способности передавать свою культуру, приобретать влияние и оказывать мощное воздействие на другие племена», – пишет Фихте [16, с. 533]. Таким образом, едва ли можно интерпретировать «нормальный народ» в качестве этнического понятия, если его потомки оказались рассеяны по всей земле еще до начала истории.

Идея народа-странника, наделенного изначальным божественным светом разума, который распространяет культуру, двигая историю человечества по пути свободы и единства, вызывает очевидную ассоциацию с масонством. Сам Фихте не состоял в ложе, но его окружение сплошь состояло из тех, кто был причастен к иллюминатам, включая Шиллера. Иллюминаты стремились к упразднению всех государств и религий для объединения человечества на разумных началах. Однако они принимали учение Иисуса Христа, интерпретируя его в революционном духе – у Иисуса есть тайное учение, которое было искажено лжепророками, и если бы люди его помнили, то они были бы свободны. Иллюминаты мыслили себя носителями истинного христианства, более того, они прямо утверждали, что «иллюминаты», или «просветленные», – это самоназвание, которое в ранней церкви давалось всем христианам¹⁴. У иллюминатов, как у наиболее «левого» из масонских течений, свобода понималась, прежде всего, в анархическом духе, в отрицании государственности и церкви. Кроме того, иллюминаты видели зло во всяком патриотизме и национальном чувстве, проповедуя радикальный космополитизм. В этом отношении Шиллер и Фихте с их идеей абсолютного государства, вырабатывавшие свою философию в атмосфере иллюминатства, все же осуществили его «преодоление», диалектическое «снятие» при сохранении главных установок: вера в небольшую группу избранных людей, стремление к свободе и единству человечества, а также педагогические интенции «воспитания человечества».

Отзвук масонской идеологии все-таки слышен в идее Версилова о дворянстве как открытом сословию лучших людей. В строгом смысле дворянство Версилова – не наследуемое качество, а некая общность особых людей, носителей высшей идеи: «Если живет эта мысль хотя лишь в немногих головах, то она еще не погибла, а светит, как огненная точка в глубокой тьме» [13, с. 178]. Молодой князь Сокольский замечает ему, что это напоминает не сословие, а масонскую ложу, и надо полагать, что он интуитивно в чем-то прав. Мечты Версилова, без-

¹⁴ См.: Einige Originalschriften des Illuminatenordens, welche bey dem gewesenen Regierungsrath Zwack durch vorgenommene Hausvisitation zu Landshut den 11. und 12. Octob. ec. 1786 vorgefunden worden... Bd. 2. München: Anton Franz, 1787. S. 109 [19].

условно, напоминают иллюминатские идеи о единстве человечества и отрицании национального и даже родственного эгоизма, когда люди становятся одной «семьей» в метафорическом смысле этого слова. Массонство упоминается в подготовительных материалах к «Подростку» более широко, чем в самом романе, в частности в связи с идеями Версилова об управлении человечеством и исправлении себя¹⁵. На прямой вопрос сына Аркадия о своей причастности к масонам Версиров отвечает не вполне однозначно: «“Вы масон? Вы в заговоре?” “Нет, мой милый. Был, мой милый. Есть ли русский, который бы не был в свое время в заговоре?”» [20, с. 411]. Также отрицательно, но также не вполне однозначно он отвечает на вопрос о своей приверженности традиционной религии (вопрос о том, носил ли он вериги).

В конечном счете дворянская идея Версирова – это не масонство, но она синкретически включает в себя очень многие явления европейской культуры и русской общественной мысли, потому отголоски масонства там тоже есть. «Нас таких в России, может быть, около тысячи человек; действительно, может быть, не больше, но ведь этого очень довольно, чтобы не умирать идее. Мы – носители идеи, мой милый!..» – говорит Версиров [13, с. 376]. Здесь слова Версирова совпадают с известными словами А.И. Герцена, которого тоже часто подозревали в масонстве, хотя доказательств тому нет: «Я ни во что не верю здесь, кроме в кучку людей, в небольшое число мыслей да в невозможность остановить движение; я вижу неминуемую гибель старой Европы и не жалею ничего из существующего, ни ее вершинное образование, ни ее учреждения...» [21, с. 12–13]. Герцен, как и Версиров, не придает решающего значения Европе в ее наличном состоянии, современной им Европе, которая «захвачена мещанством». Дворянская идея Версирова, по его собственным словам, это идея чести и просвещения. Настали новые времена, когда в Европе разрушена прежняя иерархия, а в России состоялись великие реформы – теперь главным значением нового дворянства становится сохранение высших идеалов свободы, добра и красоты. Версиров говорит: «У нас создан веками какой-то еще нигде невиданный высший культурный тип, которого нет в целом мире, – тип всемирного боления за всех. Это – тип русский, но так как он взят в высшем культурном слое народа русского, то, стало быть, я имею честь принадлежать к нему. Он хранит в себе будущее России. Нас, может быть, всего только тысяча человек – может, более, может, менее, но вся Россия жила лишь пока для того, чтобы произвести эту тысячу. Скажут – мало, вознегодуют, что на тысячу человек истрачено столько веков и столько миллионов народу. По-моему, не мало» [13, с. 376]. Представитель этого высшего культурного типа способен воспринять каждую национальную культуру, при этом оставаясь подлинным европейцем и служа тем самым русской идее, то есть всечеловеческой идее.

¹⁵ См.: Достоевский Ф.М. Подросток. Рукописные редакции // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 16. Л.: Наука, 1976. С. 366–367 [20].

Именно русский дворянин, по словам Версилова, является провозвестником «будущего человека», которого Европа еще не знает. Здесь нет наивного космополитизма иллюминатов, ведь всемирная идея увязывается с национальной, а историческая судьба Европы и человечества оказывается напрямую связана с русской идеей. Аналогично всемирно-историческая задача всего человечества была сопряжена с идеей немецкой нации в текстах Шиллера и Фихте, писавших о национальном воспитании во всемирно-гражданском духе¹⁶.

Таким образом, можно заключить, что идеи Ф.М. Достоевского о решающем влиянии высших личностей на мировую историю, выраженные, в частности, в словах Версилова, героя романа «Подросток», являются творческим развитием европейской традиции историософии, выраженной известными немецкими мыслителями Шиллером и Фихте. Показательно, что одним из самых влиятельных последователей этой традиции среди современников Достоевского был Т. Карлейль, который, помимо всего прочего, известен как популяризатор Шиллера и его первый биограф на английском языке. Книга Карлейля «Герои, почитание героев и героическое в истории», вышедшая в 1841 году, оказала огромное влияние на интеллектуальный ландшафт своей эпохи и стала своеобразным манифестом для тех, кто придерживался концепций о решающем влиянии личности в историческом процессе. Кроме того, Карлейль считается одним из провозвестников второй волны романтизма: «Суть нашего существа, то таинственное, что называет само себя я, – увы, какими словами располагаем мы для обозначения всего этого, – есть дыхание неба. Высочайшее существо открывает самого себя в человеке. <...> Наклонять голову перед людьми – значит воздавать должное почтение этому откровению во плоти» [23, с. 18]. Именно в раскрытии божественного в человеке и состоит, согласно Карлейлю, суть героического в истории и смысл почитания героев. Такой взгляд несомненно был близок и Ф.М. Достоевскому.

Т. Карлейль наряду с Ф.М. Достоевским оказал существенное влияние на идеи Ф. Ницше, однако наиболее плодотворным развитием указанной традиции, особенно в связи с «религией культуры», можно считать философию А. Бергсона. Поэты и писатели появляются у Карлейля в качестве возможных воплощений героического в истории наряду с другими: героями-божествами, героями-пророками, героями-вождями. Бергсон же отводит главную роль в истории культурному творчеству, и прежде всего литературе. Дело в том, что, согласно Бергсону, художественная культура является единственным зримым воплощением той божественной интуиции и «высших эмоций», что доступны мистикам – высшим личностям¹⁷. То есть у Бергсона больше, чем у кого бы то ни было, культура

¹⁶ См.: Фихте И.Г. Речи к немецкой нации. СПб.: Наука, 2009. С. 174–175 [22].

¹⁷ О влиянии Ф.М. Достоевского на А. Бергсона см.: Евлампиев И.И. Анри Бергсон: философия грядущей эпохи. СПб.: РХГА, 2021. С. 301–314 [24].

обретает буквально религиозное значение. А раскрытие божественного в человеке через культуру – это именно то, о чем говорили провозвестники свободы и единства человечества – Ф. Шиллер и Ф.М. Достоевский.

Список литературы

1. Вильмонт Н.Н. Достоевский и Шиллер. М.: Сов. писатель, 1984. 280 с.
2. Lyngstad A. Dostoevskij and Schiller. Hague: Mouton, 1975. 126 p.
3. Лысенкова Е.И. Аспекты проблемы Шиллера в творчестве Ф.М. Достоевского («Бедные люди», «Униженные и оскорбленные») // *Studia Culturae*. 2014. № 21. С. 147–154.
4. Достоевский Ф.М. Ряд статей о русской литературе // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 18. Л.: Наука, 1978. С. 41–103.
5. Евлампиев И.И. Спор о роли личности в истории: роман Ф.М. Достоевского «Подорожник» против романа Л.Н. Толстого «Война и мир» // *Парадигма. Философско-культурологический альманах*. 2019. Вып. 30. С. 48–76.
6. Гачева А. «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется...» Достоевский и Тютчев. М.: ИМЛИ РАН, 2004. 637 с.
7. Саканива А., Евлампиев И.И. Возвращение к России: Тютчев и Достоевский // *Соловьёвские исследования*. 2015. Вып. 2(46). С. 35–50.
8. Огарев Н.П. Отрывок из автобиографии // Огарев Н.П. Избранные социально-политические и философские произведения в 2 т. Т. 2. М.: Госполитиздат, 1956. С. 21–24.
9. Герцен А.И. Записки одного молодого человека // Герцен А.И. Собр. соч.: в 30 т. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 257–316.
10. Кантор В.К. Две родины Достоевского: Попытка осмысления. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2021. 608 с.
11. Шиллер Ф. Письма об эстетическом воспитании человека // Шиллер Ф. Собр. соч.: в 7 т. Т. 6. М.: ГИХЛ, 1957. С. 251–358.
12. Фихте И.Г. Несколько лекций о назначении ученого // Фихте И.Г. Собр. соч.: в 2 т. Т. 2. СПб.: Мифрил, 1993. С. 7–64.
13. Достоевский Ф.М. Подросток // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 13. Ленинград: Наука, 1975. С. 5–451.
14. Фихте И.Г. Назначение человека // Фихте И.Г. Собр. соч.: в 2 т. Т. 2. СПб.: Мифрил, 1993. С. 65–224.
15. Евлампиев И.И. Идея всемирной империи культуры в воззрениях В.С. Соловьёва и в русском общественно-политическом сознании XIX века // *Соловьёвские исследования*. 2023. Вып. 1(77). С. 80–96.
16. Фихте И.Г. Основные черты современной эпохи // Фихте И.Г. Собр. соч.: в 2 т. Т. 2. СПб.: Мифрил, 1993. С. 359–617.
17. Одобский В.Ф. Русские ночи. Л.: Наука. Ленингр. отд., 1975. 317 с.
18. Daubitz U. Anthropologie und Geschichtsphilosophie beim jungen Friedrich Schiller / Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades Doctor philosophiae (Dr. phil.) eingereicht an der Philosophischen Fakultät I der Humboldt-Universität zu Berlin [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://edoc.hu-berlin.de/server/api/core/bitstreams/58b8ed96-6fde-4b60-8577-083a950fc561/content> (дата обращения: 11.05.25).
19. Einige Originalschriften des Illuminatenordens, welche bey dem gewesenen Regierungsrath Zwack durch vorgenommene Hausvisitation zu Landshut den 11. und 12. Octob. ec. 1786 vorgefunden worden... Bd. 2. München: Anton Franz, 1787. 566 s.
20. Достоевский Ф.М. Подросток. Рукописные редакции // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 16. Ленинград: Наука, 1976. С. 5–479.

- 21 Герцен А.И. С того берега // Герцен А.И. Собр. соч.: в 30 т. Т. 6. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 187–223.
22. Фикте И.Г. Речи к немецкой нации. СПб.: Наука, 2009. 349 с.
23. Карлейль Т. Герои, почитание героев и героическое в истории. М.: Астрель, 2012. 1023 с.
24. Евлампиев И.И. Анри Бергсон: философия грядущей эпохи. СПб.: РХГА, 2021. 360 с.

References

(Sources)

Collected Works

1. Dostoevskiy, F.M. Podrostok [The Adolescent], in Dostoevskiy, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy v 30 t., t. 13* [Complete Works in 30 vols., vol. 13]. Leningrad: Nauka, 1975. 453 p.
2. Dostoevskiy, F.M. Podrostok. Rukopisnye redaktsii [The Adolescent. Handwritten editions], in Dostoevskiy, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy v 30 t., t. 16* [Complete Works in 30 vols., vol. 16]. Leningrad: Nauka, 1976. 480 p.
3. Dostoevskiy, F.M. Ryad statey o russkoy literature [A number of articles about Russian literature], in Dostoevskiy, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy v 30 t., t. 18* [Complete Works in 30 vols., vol. 18]. Leningrad: Nauka, 1978, pp. 41–103.
4. Einige Originalschriften des Illuminatenordens, welche bey dem gewesenen Regierungsrath Zwack durch vorgenommene Hausvisitation zu Landshut den 11. und 12. Octob. ec. 1786 vorgefunden worden... Bd. 2 [Some original writings of the Illuminati Order, which were found at the home of the former government councillor Zwack in Landshut on 11 and 12 October 1786. Vol 2]. München: Anton Franz, 1787. 566 p.
5. Fikhte, I.G. Naznachenie cheloveka [Human assignment], in Fikhte, I.G. *Sobranie sochineniy v 2 t., t. 2* [Collected Works in 2 vols., vol. 2]. Saint-Petersburg: Mifril, 1993, pp. 65–224.
6. Fikhte, I.G. Neskol'ko lektsiy o naznachenii uchenogo [Several lectures on the appointment of a scientist], in Fikhte, I.G. *Sobranie sochineniy v 2 t., t. 2* [Collected Works in 2 vols., vol. 2]. Saint-Petersburg: Mifril, 1993, pp. 7–64.
7. Fikhte, I.G. Osnovnye cherty sovremennoy epokhi [The main features of the modern era], in Fikhte, I.G. *Sobranie sochineniy v 2 t., t. 2* [Collected Works in 2 vols., vol. 2]. Saint-Petersburg: Mifril, 1993, pp. 359–617.
8. Gertsen, A.I. S togo berega [From Another Shore], in Gertsen, A.I. *Sobranie sochineniy v 30 t., t. 6* [Collected Works in 30 vols., vol. 6]. Moscow: Izdatel'stvo AN USSR, 1955, pp. 187–223.
9. Gertsen, A.I. Zapiski odnogo mladogo cheloveka [The notes of a young man], in Gertsen, A.I. *Sobranie sochineniy v 30 t., t. 1* [Collected Works in 30 vols., vol. 1]. Moscow: Izdatel'stvo AN USSR, 1954, pp. 257–316.
10. Ogarev, N.P. Otryvok iz avtobiografii [An excerpt from his autobiography], in Ogarev, N.P. *Izbrannye sotsial'no-politicheskie i filosofskie proizvedeniya v 2 t., t. 2* [Selected socio-political and philosophical works in 2 vols., vol. 2]. Moscow: Gospolitizdat, 1956, pp. 21–24.
11. Shiller, F. Pis'ma ob esteticheskom vospitanii cheloveka [On the Aesthetic Education of Man in a Series of Letters], in Shiller, F. *Sobranie sochineniy v 7 t., t. 6* [Collected Works in 7 vols., vol. 6]. Moscow: GIKhL, 1957, pp. 251–358.

Individual Works

12. Fikhte, I.G. *Rechi k nemetskoj natsii* [Addresses to the German Nation]. Saint-Petersburg: Nauka, 2009. 349 p.
13. Karleyl', T. *Geroi, pochitanie geroev i geroicheskoe v istorii* [On Heroes, Hero-Worship, & the Heroic in History]. Moscow: Astrel', 2012. 1023 p.
14. Odoevskiy, V.F. *Russkie nochi* [Russian Nights]. Leningrad: Nauka, 1975. 317 p.

(Articles from Scientific Journals)

15. Evlampiev, I.I. Ideya vsemirnoy imperii kul'tury v vozzreniyakh V.S. Solov'eva i v rusском obshchestvenno-politicheskom soznanii XIX veka [The idea of a world empire of culture in the views of V.S. Solovyov and in the Russian socio-political consciousness of the XIX century], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2023, issue 1(77), pp. 80–96.
16. Evlampiev, I.I. Spor o roli lichnosti v istorii: roman F.M. Dostoevskogo «Podrostok» protiv romana L.N. Tolstogo «Voyna i mir» [Debate on the Role of the Individual in History: F.M. Dostoevsky's Novel “The Adolescent” versus L.N. Tolstoy's Novel “War and Peace”], in *Paradigma. Filosofskokul'turologicheskiy al'manakh*, 2019, issue 30, pp. 48–76.
17. Lysenkova, E.I. Aspekty problemy Shillera v tvorchestve F.M. Dostoevskogo («Bednye lyudi», «Unizhennyye i oskorblennyye») [Aspects of the Schiller problem in the works of F.M. Dostoevsky (“Poor People”, “The Insulted and Humiliated”)], in *Studia Culturae*, 2014, no. 21, pp. 147–154.
18. Sakaniva, A., Evlampiev, I.I. Vozvrashchenie k Rossii: Tyutchev i Dostoevskiy [Return to Russia: Tyutchev and Dostoevsky], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2015, issue 2(46), pp. 35–50.

(Monographs)

19. Evlampiev, I.I. *Anri Bergson: filosofiya gryadushchey epokhi* [Henri Bergson: Philosophy of the Coming Age]. Saint-Petersburg: RKhGA, 2021. 360 p.
20. Gacheva, A. «*Nam ne dano predugadat', kak slovo nashe otzovetsya...*» *Dostoevskiy i Tyutchev* [“We are not Given to Predict how our Word will Respond...” (Dostoevsky and Tyutchev)]. Moscow: IMLI RAN, 2004. 637 p.
21. Kantor, V.K. *Dve rodiny Dostoevskogo: Popytka osmysleniya* [Two Homelands of Dostoevsky: An Attempt at Understanding]. Moscow; Saint-Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2021. 608 p.
22. Lyngstad, A. *Dostoevskiy and Schiller* [Dostoevsky and Schiller]. Hague: Mouton, 1975. 126 p.
23. Vil'mont, N.N. *Dostoevskiy i Shiller* [Dostoevsky and Schiller]. Moscow: Sovetskii pisatel', 1984. 280 p.

(Electronic Resources)

24. Daubitz, U. *Anthropologie und Geschichtsphilosophie beim jungen Friedrich Schiller* [Anthropology and philosophy of history in the young Friedrich Schiller], in Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades Doctor philosophiae (Dr. phil.) eingereicht an der Philosophischen Fakultät I der Humboldt-Universität zu Berlin. Available at: <https://edoc.hu-berlin.de/server/api/core/bitstreams/58b8ed96-6fde-4b60-8577-083a950fc561/content> (Date of access: 24.08.2024).